

УДК 81.373

Маликов И.Г.

Московский государственный педагогический университет

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И КУЛЬТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА

I. Malikov

Moscow State Pedagogical University

CONCEPTUAL METAPHOR IN CONCEPTUAL SYSTEM AND CULTURE OF EUROPEAN LAW

Аннотация. Статья посвящена концептуальной метафоре, её функционированию в концептуальной системе и культуре права Европейского союза. В основе исследования лежит когнитивный анализ метафор в различных слоях юридического языка, главным образом в текстах европейской судебной практики. Проведённое исследование позволило выявить и охарактеризовать в рамках культурологической классификации такие базовые концептуальные метафоры языка европейского права, как: «конкуренция – это война», «право ЕС – это живая сущность», «Европейский союз – это здание», и некоторые другие. Статья представляет особый интерес для юрислингвистов, поскольку язык европейского права малоизучен и ранее не исследовался с позиций когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концептуальная система европейского права, гипотеза инвариантности, судебная практика ЕС, язык европейского права.

Abstract. The article deals with the issues of conceptual metaphor and its functioning in conceptual system and culture of European law. The author carries out a cognitive analysis of metaphors in different layers of European legal language, mainly in the texts of EU case law. The research reveals and characterizes within the framework of culturological classification such basic conceptual metaphors of European legal language as: “competition is war”, “EU law is a living entity”, “European Union is a building” and some others. The article can be of special interest to jurilinguists, since the language of European law has so far been poorly explored and has not been studied before from the perspective of cognitive linguistics.

Key words: conceptual metaphor, conceptual system of European law, Invariance Hypothesis, European case law, European legal language.

Со времён Платона и вплоть до конца 60-х гг. двадцатого века в философии и лингвистике доминировал подход к метафоре как к фигуре речи, выполняющей лишь орнаментальную и риторическую функцию.

Теория концептуальной метафоры, предложенная в конце 70-х гг. американским лингвистом Дж. Лакоффом и философом М. Джонсоном, перевернула устоявшиеся представления лингвистических теорий метафоры, поскольку стала исследовать её как когнитивное явление, один из центральных процессов в концептуализации мира, часть мыслительной системы и языка [6; 7; 20].

Как утверждают авторы теории, метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание, и могут «столь же правдиво отражать реальность, как и неметафорические, буквальные выражения» [19, 164]. Метафорам свойственно не исчезать, но оставаться в человеческом сознании, так что логические следствия их действия проявляются в особенностях понимания мира [19, 137; 19, 166-168].

© Маликов И.Г., 2011.

Тот факт, что заложенная в понятийной системе человека метафора проникает в повседневную жизнь, влияет на структурирование восприятия и мышления человека, был косвенно подтверждён в конце XX в. крупномасштабным исследованием феномена гениальности под руководством одного из разработчиков нейролингвистического программирования Роберта Дилтса, которое показало, что использование метафор является одним из свойств гениев [3].

В качестве собственного эмпирического доказательства когнитивной роли метафоры Дж. Лакофф приводит ярко выраженную системность, которую демонстрирует этот феномен. Сила и мощь концептуальных метафор состоит в их регулярном подсознательном использовании: «всё, на чём мы основываемся постоянно, неосознанно и автоматически, настолько сжилось с нами, стало частью нас самих, что мы не можем этому противостоять, часто просто потому, что это проходит незамеченным» [20, 45]. Особенно наглядно «власть» метафор и их когнитивная сущность проявляются в англоязычном юридическом дискурсе, где их употребление, казалось бы, официально не приветствуется.

Действительно, уже в XVIII в. выдающийся английский юрист и инициатор отмены рабства в Великобритании Верховный Судья лорд Мэнсфилд пишет: «Ничто в праве не способно так сильно вводить в заблуждение, как метафора» (Mansfield, цит. по: [16, 97]). Спустя полтора века один из основоположников американского юридического реализма, судья Верховного Суда США Бенджамин Кардозо поддерживает эту мысль: «за метафорами в праве нужно следить с осторожностью, используемые изначально как средства освобождения мысли, они часто заканчивают тем, что поработают её» (Cardozo, цит. по: [17, 424]). Однако, как уже было сказано выше, метафоры – неотъемлемая часть человеческого мышления в целом, а потому ни доктринальные, ни законодательные запреты не в состоянии избавить от них язык права. Как точно (и метафорично) подмечает доктор права Адам Армз, « юриди-

ческий дискурс беременен метафорами» [13, 257]. Именно поэтому мы «боремся с преступностью», «выигрываем» или «проигрываем» дело, приводим «веские» доказательства и используем «убойные аргументы».

Особый интерес при исследовании концептуальных метафор в рамках юридического дискурса представляет язык европейского права – уникальной наднациональной правовой системы, зародившейся в середине XX в. и регулирующей функционирование Европейского союза. По сути, ЕС представляет собой «новый международный правовой порядок, в пользу которого государства ограничили, хотя и в определённых областях, свои суверенные права» [10, 2]. Уникальность европейского права состоит в том, что оно «обладает верховенством по отношению к национальным правовым системам, имеет прямое действие, а его нормы автоматически интегрируются в национальное право всех государств-членов ЕС» [10, 8].

Исторически национальным законодательствам стран ЕС были присущи значительные концептуальные различия. Англосаксонская правовая семья государств (Великобритания), основой которой является судебный прецедент, традиционно противопоставляется основанной на законе романо-германской (континентальной) правовой семье. Последняя возникла на основе рецепции римского права и формально объединяет правовые системы континентальной Европы, которые также весьма разнородны: романское (наиболее сильно отражено в праве Франции), германское (сформировалось под влиянием немецкой правовой науки), а также скандинавское право.

Интеграционные процессы середины XX в. поставили перед европейским правом трудновыполнимую задачу: не только создать общую, наднациональную систему правовых концептов, но и донести до многоязычного и мультикультурного населения Европы суть правовых явлений, которые либо никогда ранее не существовали, либо приобрели в контексте ЕС специфические характеристики. На протяжении более чем полувековой ис-

тории европейской интеграции эта проблема успешно решалась именно за счёт интенсивного применения концептуальных метафор в различных «слоях» европейского юридического языка. Основными компонентами его внутренней структуры, согласно традиционной классификации В. Отто, можно считать язык нормативно-правовых актов, язык судебных прецедентов, язык юридической науки и экспертиз, язык ведомственного письменного общения и административный жаргон [22, 44-57].

Несмотря на то, что вышеуказанные «языковые слои» весьма отличаются друг от друга мерой необходимости точного, подробного и краткого выражения понятий в языке, по нашему глубокому убеждению, язык европейского права в целом существенно превосходит любую другую правовую систему по критериям частотности и органичности употребления концептуальных метафор. Далее в статье, на материале перечисленных выше компонентов мы продемонстрируем функционирование таких концептуальных метафор европейской правовой культуры, как: **конкуренция – это война, Евросоюз – это здание, европейское право – это живая сущность** и др. Подобные концептуальные метафоры облегчают процесс мышления, предоставляя нам эмпирические рамки, внутри которых мы можем осваивать новоприобретённые абстрактные концепты (concept; Konzept) [21, 34] – «единицы ментальных или психических ресурсов нашего сознания и информационной структуры, отражающей знание и опыт человека» [4, 90].

Поскольку концептуальная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути, наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обусловлены метафорой. Концептуальная система права ЕС представляет собой определённые схемы, которые можно выявить посредством наблюдения за функционированием языка европейского права. Последний выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет, он «характеризуется

символическими моделями, то есть моделями, которые соотносят языковую информацию с моделями в концептуальной системе» [6, 209]. В метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему определённой языковой общности [4, 55].

Учитывая тот факт, что ЕС изначально создавался как экономический (не политический) союз, а основной целью европейской интеграции было повышение конкурентоспособности региона в мире, одним из ключевых понятий в концептуальной системе европейского права является конкуренция. Данный экономический феномен осмысливается с помощью различных метафорических проекций, рассмотрим лишь основную из них – ключевую метафору антимонопольного права ЕС «**конкуренция – это война**»: ... *In the letter the TACA Chairman informed Han-jin that a price war would be likely to “destroy the foundation upon which the TACA was built...”* [23, §1296] / «... В письме председатель СТАК (Соглашение Трансатлантической конференции) проинформировал компанию Ханьжин, что **ценовая война скорее всего “разрушит те основы, на которых создавалось СТАК”**...».

Приведённый пример относится к наиболее сложному и интересному типу концептуальных метафор – структурным (structural) метафорам. Их сущность состоит в том, что они «концептуализируют отдельные сферы опыта и деятельности путём переноса на них структуры другой области» [4, 56]. Ценовая конкуренция в данном случае напрямую сравнивается с войной, которая может привести к разрушениям и жертвам. Рынок выступает для конкурентов территорией боя, части которой можно захватить: ... *PET is not likely to capture new market shares in UHT milk...* [33, §252] («... маловероятно, что **полиэтилентерефталат захватит новые доли рынка ультрапастеризованного молока**...»).

Объекты инфраструктуры этой территории (аналогично заводам и городам) могут

быть уничтожены: ... *any independence may totally destroy this part of the market, so carefully built by the group throughout the years ...* [23, §1352] («... любая форма независимости может **полностью уничтожить эту часть рынка**, столь бережно выстроенную группой компаний на протяжении долгих лет...»).

В приведённых примерах процесс метафоризации базируется на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» (source domain, война) и когнитивной структуры «цели» (target domain, конкуренция). В результате такого взаимодействия клиенты предприятия воспринимаются как ценный ресурс, который можно завоевать в ходе боевых действий и дефицит которого может угрожать существованию компании: *Thus, the announcement ... has made it very difficult for traffic telematics systems suppliers currently on the market to win new customers and poses a threat to their continued economic existence* [32, §252] / «Таким образом, объявление ... сделало затруднительным для уже существующих на рынке поставщиков телематических систем **завоевание новых клиентов и представляет угрозу для их длительного экономического существования**».

При метафоризации отдельные сферы цели (конкуренция) структурируются по образцу источника (война), другими словами, производится «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping). Так, цены компании являются когнитивным отображением боевых позиций, военных укреплений, которые могут пасть, обрушиться в ходе сражения. При наличии такой угрозы компания может попытаться заключить с противником (конкурентом) обоюдовыгодный пакт о ненападении (картельный договор): *Accordingly, Interbrew's interest in concluding, prior to May 1994, a non-aggression pact is shown by its concern that prices would tumble on the Belgian marke* [30, §252] / «Соответственно, интерес **Интербрю**, вплоть до мая 1994 года, к подписанию **пакта о ненападении** продемонстрирован беспокойством компании о том, что **цены обрушатся на бельгийском рынке**».

Однако в случае картельного сговора в сражение может вступить третья сила (государство), атакуя картель с целью защиты конкуренции: *It is true that the Spanish Government has not mounted any robust attack on that premiss...* [25, §60] / «**Действительно, испанское правительство не предприняло энергичных атак на предпосылки картельного сговора...**».

Из перечисленных примеров видно, что когнитивная структура войны переносится на когнитивную структуру конкуренции лишь частично, за кадром остаются концептуальные различия структур источника и цели. Очевидно, что конкуренция является для общества экономическим благом, в то время как война носит в целом деструктивный характер; в структуре конкуренции неуместны такие понятия, как призывной возраст и дезертирство, в войне отсутствует упомянутый выше внешний регулятор в лице государства, законодательно регламентирующего весь процесс. Принцип частичного воспроизведения структуры источника в структуре цели получил название «гипотезы инвариантности» (Invariance Hypothesis) [20, 54]. Таким образом, метафоризация «является средством формирования параморфной модели, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей иной сфере опыта, где данный элемент представлен более очевидно» (Molino, цит. по: [2, 13]).

Важно понимать, что особенности и частотность использования метафор обусловлены культурой, которая играет центральную роль как в процессе понимания, так и при выборе той или иной метафоры. Концептуальная метафора способствует более полному уяснению сущности культурной модели, приводит к появлению логических следований и сложных умозаключений [23, 57; 23, 65].

Особенно важны метафоры при изучении культуры языкового социума, так как способны передавать наиболее существенную культурную информацию [9, 13]. При этом реализуемые в языке при помощи метафор

структуры концептуального уровня могут иметь универсальный или национально-специфический характер [8, 4].

Согласно культурологической классификации, предложенной отечественным философом и лингвистом О.А. Свирепю [9], концептуальные метафоры могут быть условно подразделены на следующие типы: *метафоры эпохи, этнокультурные и локальные метафоры*.

1. Метафоры эпохи составляют «тезаурус культуры» и очерчивают пространство информационного взаимодействия членов отдельного сообщества. Характерным представителем данной группы является концептуальная метафора **«право – это живая сущность»**: *... the rules on State aid constitute a 'living law' and ... the concept of aid changes over time... [29, §119]* («... правила господдержки составляют **«живое право»** и ... концепция господдержки меняется с течением времени...»).

Концепция «живого права» была разработана на рубеже XIX и XX вв. австрийским социологом и правоведом Е. Эрлихом, который обозначал этим понятием непосредственно-практические формы социально-правовой реальности, более динамичные, чем позитивное право, и обгоняющие его в своём развитии. Наличие практически-духовных и социокультурных оснований у «живого права» позволяет вести речь о таких феноменах, как «дух права» и «дух закона»: *... the Court held that 'the spirit of the Treaty as expressed in Article [220 EC]' and its 'system' give rise to the principle of a community based on the rule of law... [31, §34]* / «... Суд решил, что **«дух Договора о ЕС»**, как сказано в ст. 220, и его **«система»** создают принцип сообщества, основанного на верховенстве закона...».

В свою очередь, материальная реализация права в виде различных его источников (нормативно-правовых актов, судебных прецедентов и пр.) развивает концептуальную метафору, наделяя «живое право» собственным *телом* (так называемый *корпус права*): *... taking the whole body of domestic law into consideration ... [26, §55]* («... принимая во вни-

мание **весь корпус** (букв. **«все тело»**) *местного права...*»).

Необходимо отметить, что в процессе эволюции *метафоры эпохи* видоизменяются и обрастают контекстом [9, 76-79]. В исходной концепции Эрлиха правовая реальность предстаёт как дитя двух родителей – материнского начала в виде гражданского общества и отцовского начала в форме государства. Однако в процессе исторического становления Евросоюза возмужавшее *дитя* – «живое право», – одухотворённое и воплощённое в своих источниках, может создать собственную семью (семью директив ЕС) и даже обзавестись дочерними «отпрысками»: *Since the 1990s the harmonisation at Community level of the taxation of mineral oils has been regulated by a family of directives... The specific (or, to continue the family metaphor, daughter) directive for mineral oils were originally Directive 92/81... [4, §5; 4, §34]* («С 90-х годов гармонизация налогообложения минеральных масел на уровне Сообщества регулировалась **семьей директив**... Специальной (или, если продолжить «семейную» метафору, **дочерней**) **директивой** для минеральных масел изначала была директива 92/81...»).

Регулярное сравнение европейского права с живым организмом, постоянно и динамично развивающимся, видоизменяющимся и проникающим во все сферы жизни, свидетельствует о том, что данная метафора эпохи трансформировалась в общекультурный символ и, зафиксировав важное для европейского языкового сообщества явление, в дальнейшем не исчезла, но продолжает эволюционировать и обретать новый контекст. В процессе исторического развития такие метафоры могут распространиться на большую группу языковых сообществ, превратившись в своеобразный «мотив эпохи» [9, 76-79].

2. Этнокультурные метафоры отражают принятый в языковом сообществе способ категоризации и систему ценностей. В качестве примера данного типа можно привести метафору **«Европейский союз – это здание»**.

Метафорическое представление государства как здания, состоящего из таких «кирпичиков», как его законы, граждане и пр., явля-

ется довольно избитым приёмом, известным ещё со времён библейской притчи о вавилонской башне. Являясь «государственноподобным» образованием, ЕС, в частности, имеет мощный фундамент в виде Договора, его учреждающего, а также декларируемых этим договором базовых принципов: *The general principle of equality ... forms part of the foundations of the Community* [24, §76] («Общий принцип равенства... составляет часть основ Европейского сообщества»).

В соответствии с Маастрихтским договором о Европейском союзе, который вступил в силу с 1 ноября 1993 г., были выделены три опоры ЕС (европейские экономические сообщества, общая внешняя политика и политика в области безопасности, а также общая политика в области внутренних дел и правосудия). В данном случае концептуальная метафора проходит стадию дальнейшей детализации, в ходе которой Европейский союз мыслится как здание, опирающееся на три опоры (колонны): *Finally, the Council has fraudulently exploited the division into three pillars of European Union activities...* [28, §2] («В заключение, Совет обманным образом использует разделение компетенции Европейского союза на три опоры...»).

Политический союз является дальнейшим, более продвинутым, этапом экономической интеграции стран-участниц ЕС. Все без исключения страны формируют единый внутренний рынок и общее таможенное пространство, однако степень политической интеграции каждой отдельно взятой страны различна. Так, лишь часть стран ЕС участвует в Шенгенском соглашении и НАТО, не все страны входят в зону евро. Для того чтобы подчеркнуть важность политической интеграции, в европейском праве рассматриваемую этнокультурную метафору иногда модифицируют, говоря о Политическом союзе как о «доме» в «саду» Экономического союза: *From this perspective, the Political Union would resemble a house in the garden of Economic Union...* [14].

Видоизменение исходной метафоры призвано когнитивно отобразить различную степень целостности и единства составных

частей Экономического и Политического союзов, представить последний в качестве ядерного центра первого по аналогии с домом, расположенным в центре большого сада. Однако в целом такая модификация не носит принципиального характера, поскольку этнокультурные метафоры лишь в малой степени подвержены изменениям и представляют собой «комплекс специфических черт культуры» [9, 108-125].

3. Локальные метафоры являются «унифицированной и/или объясняющей моделью» в конкретной ситуации и способствуют решению конкретных задач [9, 146-147]; они зачастую употребляются в терминологии, способствуют пониманию неизвестного и ещё *неословленного* на базе образного переноса и помогают формированию новых, непрогнозируемых изначально «ассоциативных рядов, обладающих большой эвристической силой» [1, 77].

Ярким примером данного типа метафор может служить такая, на первый взгляд парадоксальная, метафорическая проекция, как «**финансово самостоятельные неработающие люди – это плейбои**», появившаяся более 20 лет назад благодаря принятию Директивы ЕС 90/364, предоставившей право гражданам ЕС, не принадлежащим ни к одной из утверждённых ранее категорий (рабочие, студенты и пр.), свободно проживать в любой стране Европейского союза.

Здесь важно понимать, что значение исконно английского слова «playboy» в английском языке (в отличие от русского) не имеет негативных сексуальных коннотаций и определяется как «мужчина, который богат и наслаждается жизнью вместо того, чтобы работать» (Macmillan English Dictionary). В соответствии с гипотезой инвариантности (см. выше), лишь значимая в данном контексте часть структуры источника (финансовая обеспеченность и отсутствие постоянной занятости у плейбоя) была спроецирована на когнитивную структуру цели, при этом половая принадлежность и праздный образ жизни лица остались за рамками рассмотрения: *The first Directive, applied in respect of any persons who*

could support themselves whilst in the host state, has been termed the **“playboy Directive”** to suggest that only the financially self-sufficient would be able to take advantage of it. [15, 254] («Первая директива, применяемая к любым лицам, которые в состоянии обеспечить себя, находясь в принимающей стране, получила название **«директивы для плейбоев»**, поскольку только экономически самостоятельные лица будут пользоваться правом, предоставленным ею»).

Как видно из последнего примера, с помощью концептуальной метафоры была выделена принципиально новая, ранее не существовавшая в европейском праве категория граждан ЕС («плейбоев»), объединённых общими признаками (богатые наследники и домохозяйки, рантье и др.).

Таким образом, концептуальные метафоры не только способны концептуализировать окружающую нас действительность, но и генерировать новый смысл, создавать новую реальность, поскольку «новое может быть высказано только метафорой, а в любой метафоре непременно присутствует нечто новое» [5, 80].

Преодолевая косность и консерватизм научной методологии, вклиниваясь в язык права, научная метафора своим появлением приводит к «парадигматизации» нового знания, и для этого она должна, в отличие от поэтической метафоры, иметь «свойства, обеспечивающие её “безболезненную” трансформацию в понятие» [5, 101].

Лишь только при этом условии научная метафора сможет стать полноправной частью юридического языка и так органично вписаться в его структуру, как это описывает известный американский философ и романист Роберт Уилсон: «какие бы категории мы не использовали, организуя наш опыт в слова или мысли, в них есть метафоры; а рассуждения о процессе создания метафор неизбежно приводят к созданию новых метафор и метафор о метафорах» [12, 17].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Базылев В.Н. Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект): Дисс. ... д-ра филолог. наук. М., 1999. 419 с.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 11-26.
3. Дилтс Р. Стратегии гениев. Том 1. Аристотель. Шерлок Холмс. Уолт Дисней. Вольфганг Амадей Моцарт. Пер. с англ. В.П. Чурсина. М.: Независимая фирма “Класс”, 1998. 241 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под. общ. ред. Е.С. Кубряковой. Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 90 с.
5. Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. Баку, 1987. 80 с.
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят о нашем мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. Изд-е 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 208 с.
8. Липилина Л.А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 24 с.
9. Свирипо О.А. Метафора как код культуры: Дисс. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 162 с.
10. Суд Европейских сообществ. Избранные решения / Редкол.: Аكوпова И.Г., Водолагин С.В., Толстопятенко Г.П., Энтин Л.М. (отв. ред.). М.: Норма, 2001. 400 с.
11. Телия Н.В. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26-52.
12. Уилсон Р.А. Новая инквизиция. Перев. с англ. К. «Янус». М.: Пересвет, 2001. 304 с.
13. Arms A. Metaphor, Women and Law // 10 Hastings Women's L.J. 1999. P. 257-263.
14. Collignon S. Democracy and Europe's Crisis of Legitimacy Intervention // European Journal of Economics and Economic Policies, 2006. Vol. 3, issue 1. P. 75-85.
15. Foster Nigel. From persons to citizens and beyond: the evolution of personal free movement in the European Union // THE ANNUAL OF GERMAN & EUROPEAN LAW. Berghahn Books, 2003. 254 p.
16. John Norton Pomeroy. A treatise on equity jurisprudence as administered in the United States of America. Vol. 4. General Books, 2010. 750 p.
17. Kaufman Andrew L. Cardozo. Harvard University Press, 1998. 731 p.
18. Kovecses Zoltan. The scope of metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. By Antonio Barcelona. Mouton de Gruyter. Berlin; New York, 2000. P. 79-92.

19. Lakoff G. and Johnson M. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought*. N.Y: Basic Books, 1999. 624 p.
20. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1. P. 39-74.
21. Manerko L.A. New categorization investigation strategy in linguistics // *New methodology of categorization research in linguistics // Moscow State University Bulletin*. M., 2000. № 2. P. 29-42.
22. Otto Walter. *Die Paradoxie einer Fachsprache // Der öffentliche Sprachgebrauch*. Band. II, Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. S. 44-57.
23. Quinn N. *The Cultural Basis of Metaphor // Beyond Metaphor. The theory of tropes in anthropology* / James W. Fernandez (ed.). Stanford University Press, California, 1991. P. 56-93.
24. *Судебная практика Суда Справедливости ЕС (цитируются по электронной версии официального журнала Европейского союза, доступной по адресу URL: <http://eur-lex.europa.eu>):*
25. *Atlantic Container Line v Commission*. № T-191/98; 30.09.2003.
26. *Audiolux and Others*. № C-101/08; 30.06.2009.
27. *Commission v Spain*. № C-400/08; 07.10.2010.
28. *Deutsche Lufthansa*. № C-109/09; 10.03.2011.
29. *Fendt Italiana*. № C-146/06; 19.04.2007.
30. *Gestoras Pro Amnistía and Others v Council*. № C-354/04; 27.02.2007.
31. *Government of Gibraltar v Commission*. № T-195/01; 30.04.2002.
32. *Groupe Danone v Commission*. № T-38/02; 25.10.2005.
33. *Poland v Council*. № C-273/04; 21.06.2007.
34. *Qualcomm v Commission*. № T-48/04; 19.06.2009.
35. *Tetra Laval v Commission*. № T-5/02; 25.10.2002.